ОБХСС

Вы проку от него не ожидайте,
он знает только: «Дайте! Дайте! Дайте!»—
и в руки смотрит жадно, липко, цепко.
Ему, конечно, надо дать... и крепко!

Стихи А. ИВАНОВА

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КРОКОДИЛ

№ 1 • ЯНВАРЬ 1973

Андрей ВНУКОВ

Не стоит земля на китах
И не держится на медведях:
Это вовсе, друзья, не так,—
А стоит земля на соседях!
На соседях держится свет
И все то, что живет на свете,
Ведь за каждой стеной — сосед,
И у каждого есть соседи...
Но соседи соседям — рознь:
Кто живет по-соседски дружно...
Кто табак да и дружбу — врозь...
Что кому от соседей нужно.
У соседа — сосед... У стран —
Государственные соседи,
Заграничные, иностран-
ные сэры, мистеры, леди...
У советской большой семьи
Есть на свете соседи тоже...
Есть соседи — друзья, свои...

Есть соседи — избави боже...
Пять десятков последних лет
Те соседи нас поучают:
— Ох, не так выпекают хлеб!
— Эх, не этак детей рожают!
До чего они зорко бдят,
Чтоб не сделали мы ошибки!
Источая змеиный яд,
Расточают свои улыбки:
— Ой, не ценят у вас никого!
— Ай, как трудно вам
жить на свете!
— Ай, отцы у вас не того...
— Ой, и дети у вас не эти!
Советологи — каждый спец
По расколу семьи советской —
Предвещали худой конец,
Подкрепляя причиной веской:
— Ох, не прочен Союз у вас!

— Ах, наступят года лихие!
— Эх, Россия, уйдет Кавказ!
— Ух, Кавказ, подведет Россия!
— Ой-ой-ой, ай-ай-ай, ой-ой! —
Малосольные слезы льются,—
Что же деется со страной
Из-за этой их революции!
Где Россия! Ищи свищи,
Все российское растаскали!
Разве этак хлебали щи!
Разве барыню так плясали!!

Распалясь из последних сил,
Воют в розницу, воют скопом,
Словно кто-то их укусил
В их «Свободнейшую Европу»!
Би-би-сится в эфире мисс:
— Разве так гарцевал киргиз
На коне до Советской власти!

Разве может киргиз
быть счастлив!
— Разве так пил кумыс казах!
— Притесняют грузин полвека!
— Жаль таджиков —
ну, просто страх! —
— Жаль украинцев,
жаль узбеков!..
Кто поверит слезам таким!
Ясно всем,
что под слезной маской
Все хотелось забрать самим:
Хлеб украинский жалко им,
Нефть бакинскую жалко им,
Лес архангельский жалко им,
Хлопок Азии жалко им,
Клад уральский,
коньяк армянский!
Ах, как все это жалко им!

ВИЛЫ В БОК!

СПРАШИВАЙ — ОТВЕЧАЕМ

Не успел инженерно-технический работник Юдин прийти на работу и склониться над расчетом, как его подозвали к телефону:

— Это Графская дистанция пути Юго-Восточной железной дороги? Говорят из Управления дороги. Записывайте оперативные вопросы, а потом срочно сообщите оперативные ответы. Готовы?

— Диктуйте.

— Вопрос первый — данные о количестве ваших работников, командированных на околотки для организации общественного смотра безопасности движения поездов. Второй вопрос — количество предложений, поступивших в ходе смотра. Третий — анализ состояния трудовой дисциплины за сентябрь в сравнении с августом... Двенадцатый — данные о беседах, проведенных с работниками, вышедшими из отпуска. Тринадцатый...

— Обед.

— Какой обед? Нас плохо слышно?

— Да нет... У нас обеденный перерыв, извините.

...После обеда не успела инженерно-технический работник Федотова склониться над расчетами, как ее подозвали к телефону:

— Алло! Говорят из управления. Запишите оперативные вопросы. Вопрос четырнадцатый — вовлечение в общественные инспектора и введение балльной оценки работы инспекторов в смотре безопасности движения поездов... Двадцать девятый вопрос — данные о наложении взысканий на средний командный состав за сентябрь и август месяцы... Тридцать шестой... Что? Конец работы? Алло! Ну, до завтра.

Назавтра не успели инженерно-технические работники Студеникина, Младышева, Голубева, Жиганов и Частушкин прийти на работу и склониться над расчетами, как их позвали к телефонам:

— Алло! Говорят из управления. Записывайте оперативные вопросы. Тридцать шестой — внедрение новых методов работы, направленных на безопасность движения поездов... Восемьдесят девятый — проведение внезапных проверок командным составом станции... Сто двадцать первый... Что? Сегодня записывайте без обеда. Итак, вопрос сто сорок седьмой: сколько человек охвачено рабочими собраниями. Сто девяносто первый — влияние средних показателей в пересчете... на коэффициент... в сентябре... по сравнению с мартом прошлого года... Что? Что значит «некогда работать»?! А мы, что ж, сидим сложа руки, что ли?! Это говорят из управления, ясно? Алло! Алло! Неужели опять рабочий день кончился? Алло!..

...Алло! Товарищи из управления? Говорят из Крокодила. Имеем к вам оперативные вопросы... Впрочем, вы и сами догадываетесь, наверное, о чем мы хотим спросить. Поэтому не будем вам диктовать вопросы. Во имя экономии вашего рабочего времени, а также в целях безопасности движения поездов. До свидания!

Гр. КРОШИН

А почта на что?

Двое неизвестных без стука ввалились в кабинет начальника почты и заговорили одновременно:

— Безобразие! — крикнул один.

— Работнички! — рявкнул другой.— Третий день бандероль гуляет неизвестно где!

— Да говорите же по очереди, я ничего не понимаю,— взмолился начальник почты.

— Что тут понимать,— заговорил первый.— Я из «Оргэнергостроя», а товарищ мой из «Теплоэлектропроекта». Наши институты находятся здесь, в Новосибирске, на проспекте Димитрова, в одном доме номер 7...

— Но в разных подъездах! — уточнил второй.

— Наши институты ведут деловую переписку,— сообщил первый.— Они нам — бандероль, мы им — письмо!

— Так это хорошо! — обрадовался начальник почты.

— Чего же тут хорошего? — воскликнули представители двух институтов одновременно.— Как у вас почта работает? Плохо работает! Обленились все! Наш институт в их институт когда бандероль послал? А где бандероль? Почему не дошла? Наши инженеры с ног сбились: целый день к соседям бегают, спрашивают, пришла ли наша бандероль. Их инженеры целый день от нас не вылезают — ждут свою корреспонденцию.

— Помилуйте! — изумился начальник почты.— Так зачем вам почта, раз вы в одном доме работаете?

— А хоть бы и в одном кабинете,— обиделись инженеры.— Мы же не просто так, мы организация. Разве это солидно — из подъезда в подъезд бегать, письма носить? А почта на что?

И инженеры обиженно насупились.

Т. ЛОСКУТОВА

Утерян рецепт

Человечеству нанесен непоправимый урон. Секрет изготовления желтого, как, впрочем, и всякого иного светлого, сапожного крема похищен.

Впрочем, мы не знаем, как обстоит дело в других городах. Будем говорить только о Ростове-на-Дону, где вот уже свыше полугода прекращена в уличных киосках чистка светлой обуви.

Обработать черным кремом? Черный имеется. Но нет, охотников освежить черной ваксой желтые туфли не находится, и мастер переходит к очередным делам.

Однако не адресуйте претензии начальнику городского управления бытового обслуживания Алле Яковлевне Евдокимовой. Что она может сделать, если куда-то исчезла желтая мазь для обуви? Ведь похитил же гоголевский черт луну, с него станет украсть и таинственный рецепт приготовления обувного крема светлых тонов. До чего вороватый народ, эти черти!

С. ЗВАНЦЕВ

От всех болезней

Танец вальс по авторской прихоти его создателей должен иметь музыкальный размер — три четверти.

Слепо подчиняясь этому условию, писали свои вальсы Чайковский, Шуман, Глинка и другие. Включая самого короля этого танца — Иоганна Штрауса-сына.

Улизнуть за рамки авторской прихоти отцов вальса удалось лишь нашему современнику Э. Левину. По заказу Речкуновского санатория Новосибирской области он написал вальс с размером такта всего в две четверти.

Мелодия с укороченным на целую треть тактом потребовала, естественно, создания и необычных по размеру стихов. Левин написал и их. Вот только некоторые строки:

Весь наш персонал для больных
старается,
И болезни все в страхе
разбегаются.
Вы домой возвратитесь,
не узнают Вас —
Лет на двадцать моложе Вы
стали сейчас...

Размноженный двадцатитысячным тиражом красочный проспект нестандартного вальса вручается теперь отдыхающим членам профсоюза безденежно, как сувенир. Что же касается гарантии на омоложение, то она, заметьте, выдается всем прибывающим в Речкуновку на отдых без исключения.

Н. СКОРНЯКОВА, Е. РЕМПЕЛЬ
г. Новосибирск.

Кто есть кто?

Живет Сомова Мария Григорьевна в поселке Холбон, Читинской области, и крепко любит родную сестру, проживающую там же. И сердечно сочувствует ей, потому что муж сестры — непроходимый пьяница и скандалист по фамилии Калашников, по имени Алексей.

Жалела она там сестру, жалела, а потом присоветовала ей написать о своих мытарствах в газету «Забайкальский рабочий», но только адрес обратный на всякий случай указать ее, Сомовой. Думала: вот как раз вышел Указ насчет пьянства, вот как раз и будут приняты очень быстрые меры.

И как раз не ошиблась. Редакция переправила письмо в Шилкинский райотдел милиции, и к многострадальной сестре тут же прискакал на мотоцикле участковый милиционер.

А Марию Григорьевну милиция письменно успокоила обещанием показать растакому Калашникову где зимуют раки.

И ладно бы, но только саму Сомову впопыхах спутали с ее сестрой.

Это тоже ладно бы — чего не бывает в служебных бумагах!

Да вот, как на грех, «Забайкальский рабочий» решил и сам параллельно заклеймить того пьяницу нехорошим печатным словом. Слов нет — надо бы, но вышел конфуз. Вот цитата из статьи В. Трутневой «Отец пришел пьяный»:

«Прошу вас, помогите мне избавиться от пьяницы-мужа,— пишет в редакцию М. Г. Сомова со ст. Холбон...»

— Вот ведь как бывает! — удивились соседи Сомовой.— Муж-то у Марии Григорьевны, оказывается, того... Спился, написано, сердешный! А ведь до чего трезвенником казался!.. Хотя нет, он ведь такой краснолицый... И как это мы раньше не замечали?..

А муж Сомовой и впрямь покраснел, прочитав статью. Он от смущения сначала покраснел, а потом от негодования. И даже чуть не выпил в таком смятении чувств.

Понятно же: чего не натворишь впопыхах!

Б. БЕСКУДНИКОВСКИЙ

БОРОДА С ФАМИЛИЕЙ

Анонимность в общем и целом — явление неприятное. С анонимами надо бороться. И тов. Дровалев, директор комбината бытового обслуживания населения г. Анжеро-Судженска, внес в эту борьбу ценный своим новаторством вклад. В изданном им приказе говорится: «Ввиду... затруднительного контроля за работой мастеров и учета по расходу парфюмерии приказываю с 1 октября 1972 года каждому мастеру-парикмахеру... деньги брать с клиента авансом, записав фамилию клиента в рапортичку».

Хотя во главу угла, как видим, тов. Дровалев поставил «затруднительный контроль», все же удар по анонимам налицо. Однако, учитывая, что отдельные несознательные граждане могут пытаться бриться или стричься под псевдонимом, следует еще вывесить в парикмахерских такого рода объявления:

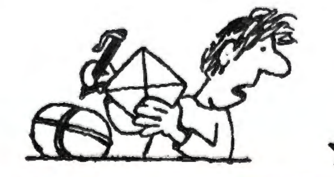
«Борода без предъявления паспорта недействительна!»

Побритый, уплативший деньги вперед и назвавший фамилию (настоящую),
В. БАБКИН.

г. Анжеро-Судженск.

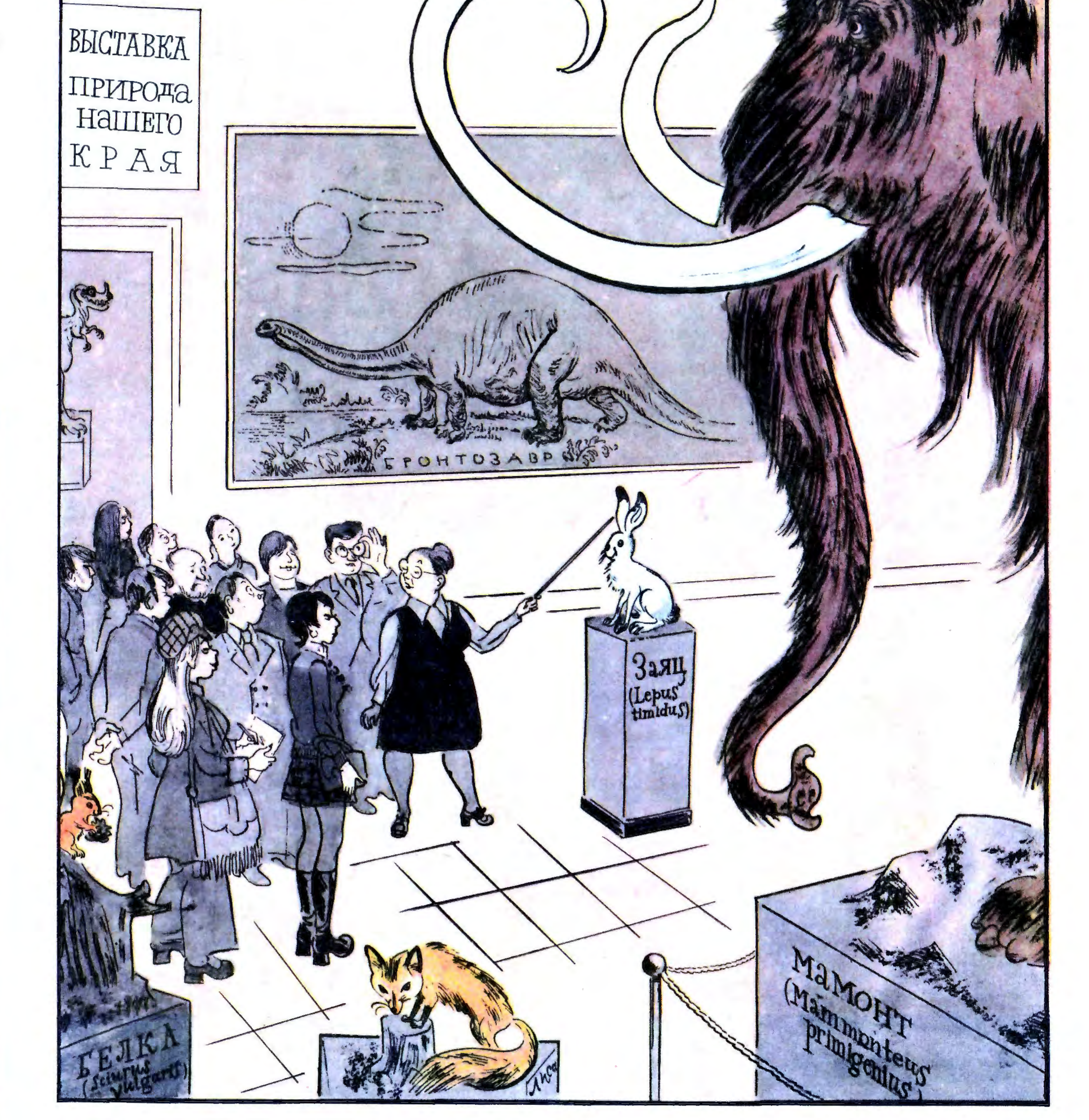

— А здесь вы видите диковинных животных, которые когда-то водились в наших местах...

Рисунок М. БИТНОГО

— Да чтоб я еще раз пошел в этот театр!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ЧЕТВЕРО ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Кому нынче не известны авторы популярной мультсерии «Ну погоди!» — Ф. Камов, А. Курляндский и А. Хайт?

Так вот, недавно они собрали некоторую часть написанных ими рассказов и скетчей в одну книжку и представили на суд широкого читателя в библиотечке художественной самодеятельности издательства «Советская Россия». А какой, скажите, читатель более широкий, чем сельские и заводские активисты агитбригад?

Эта неунывающая троица включила в свою компанию еще одного коллегу — Э. Успенского, автора сценария, а затем и книги для детей «Крокодил Гена». Так что «Под одной крышей» (именно так называется сборник) объединились четверо молодых, задорных и смешливых авторов. Впрочем, их союз вовсе не механический: в разных сочетаниях и вариантах молодые литераторы выступают то в «Литературной газете», то в «Добром утре» на радио, то на эстраде.

Исполнилось пятьдесят лет известному карикатуристу, заслуженному художнику Грузинской ССР Гигле Пирцхалаве.

Мастер, несмотря на свой возраст, выглядит отлично (см. дружеский шарж А. Цветкова), находится в хорошей спортивной форме (см. рисунки Г. Пирцхалавы на темы спорта), жизнерадостен и весел (см. его юмористические рисунки).

Где смотреть? Да где угодно! В «Нианги», «Лэло», «Крокодиле», «Журналисте», «Футболе-хоккее», в других журналах и газетах.

Кроме того, все, кто окажется в эти дни в Тбилиси, могут посетить выставку его работ, приуроченную к юбилею художника.

— Ваш роман без конца!
— А кто теперь читает романы до конца?

Самообслуживание.

Виктор АРДОВ

ПОДСТАВНОЕ ЛИЦО

Рассказ

Плановик Гурбенко вошел в кабинет управляющего конторой П. П. Косякова, как всегда, скромно и почти что на цыпочках.

— Звали, Пал Палыч? — спросил он.

— Угу. Звал... Ты садись, Гурбенко. Понимаешь, друг, я пришел к решению тебя это... ну, в общем, премировать.

— Очень благодарю, Пал Палыч. Более того, тронут. Чувствительно тронут.

— Но ты пойми меня правильно, Гурбенко. Я тебя премирую, а ты тоже премируешь.

— Я? Кого? — Гурбенко широко раскрыл рот и вытянул шею, желая лучше рассмотреть лицо своего начальника.

— Ясно, кого. Меня, Гурбенко, меня же!

— Хе-хе, Пал Палыч, опять вы шутите... Да, действительно: если бы я имел возможность премировать вас за все то, что вы мне делаете вот уже пятый... извиняюсь... седьмой год, я бы, безусловно...

— Вот сегодня ты получишь такую возможность. Ясно? Ты получишь свою якобы премию и отдашь ее мне.

— Вам?

— Мне. Неужели тебе непонятно: я не имею права выписать премию непосредственно себе — так? Значит, я — что? — я выписываю премию на твое имя, а ты ее получаешь и отдаешь — кому? — мне. Что ты хлопаешь глазами, как ворона? Ступай лучше в кассу и постарайся получить там двести рублей до обеденного перерыва. Почему до перерыва? Да потому, что после перерыва будут получать другие товарищи. Те, у которых премия гласная...

— В каком смысле гласная, Пал Палыч?

— Ну, ясно: в том смысле, что они получают, так сказать, официально, а ты... мммм... ну, вроде бы исподтишка... Ясно?

— Как будто я понял....

— Ну, и слава богу. Значит, ты сейчас ее возьмешь, премию, принесешь мне, а я уже вручу тебе твою, так сказать, часть... Ясно?

— Ну, безусловно!

— Тогда ты тово... ты поспеши в кассу: обеденный перерыв же начнется вот-вот...

— Спешу, Пал Палыч. Лечу, мчусь!

И действительно, Гурбенко исчез из кабинета. Затем наступил обеденный перерыв. Затем перерыв прошел. И только через полчаса после этого управляющий конторой, нажав на кнопку звонка, пригласил к себе свою секретаршу. Притворившись, что рассматривает какую-то бумагу, он сказал:

— Гурбенко ко мне!

Секретарша понимающе кивнула головой и закрыла дверь. Через три минуты она снова появилась и доложила:

— Нет его на работе, Гурбенко.

— Да? — с интересом спросил управляющий.— Разве обеденный перерыв еще не кончился?

— Кончился давно!

— Кхм... тогда скажи там: как этот голубчик появится, чтобы пришел сюда!

Секретарша еще раз кивнула головою и исчезла. Примерно часа через два — незадолго до конца рабочего дня — дверь в кабинет Косякова странным образом зашевелилась. Владелец кабинета поднял глаза. Но шевеление двери не прекратилось.

— Кто там? — строго спросил Косяков. Шевеление продолжалось. — Ну, кто еще там дурака валяет?!

Молчание и шевеление. Косяков встал и сделал шаг из-за стола. Только тут в узкую щель чуть приоткрытой створки почти что вполз Гурбенко. Его вид не оставлял сомнений: в этот организм была введена немалая порция алкоголя.

— Ззззз, — прожужжал Гурбенко, качаясь и клонясь долу.— Зззвали? Ме? Ня?

Ухватившись рукою за столик, на котором стоял телевизор, плановик преодолел тяготение к поверхности пола и присел несколько боком на стул.

— Ха-арош! — после содержательной паузы заметил управляющий. — И это в рабочие часы!

Гурбенко сперва покачал головой, как бы отрицая слова начальства, затем передумал, как видно, и стал кивать утвердительно — сверху вниз подбородком:

— Ага. Тощщщно: в них. В рабочие. Щщщасы. Ик!

Внезапная икота остановила его речь.

Косяков с омерзением глядел на подчиненного. Он было собрался произнести обвинительную речь, но передумал. Решил, что речь будет сказана завтра, когда плановик явится в трезвом состоянии.

— Премию получил? — строго осведомился Косяков.

— А как же!.. Раз... раз... разве сами не видите? Ик-ик!

— Клади на стол деньги.

— Деньги, я извиняюсь, тю-тю! — И для усиления этих слов Гурбенко сделал настолько широкий взмах правой рукой, что упал со стула на пол.

— Какое же ты имел право тратить эту... это... эти деньги?

— А как же? Премия! Моя! За отлищщщную рабо...

Плановик не закончил фразу, ибо все его внимание привлек трудный процесс карабкания с пола на стул. А пока он хватался за ножки и сиденье, управляющий начал укоризненную речь:

— Я же тебе сказал: получи и принеси мне. Сказал?

— Раз... разве? Хотя — ик! — да. Что-то вы такое гово ...ик!

— Ну, Гурбенко, плохо ты меня знаешь, если думаешь, что тебе сойдет с рук такое беспримерное нахальство!

Плановик громко, можно даже сказать, демонстративно рассмеялся и снова махнул рукой. Результат получился тот же, что и при первом взмахе: Гурбенко сполз вниз.

На сей раз получатель секретной премии улегся на полу и заговорил почти шепотом:

— Ну, раз вы обостряете вопрос, пожа... ик!.. пожалуй... Ста. Ага. Тут у меня что-то осталось от этой мрепии... то есть, я извиняюсь, от премии... И я вам охотно это... ну, отслюню...

Гурбенко пошарил в карманах. На пол выкатились монетки и две-три бумажки трехрублевого достоинства. А плановик вдруг захрапел со страшной силой.

— Ты что? Спишь? — грозно спросил управляющий.

В ответ растратчик премии зачавкал и засопел, затем захлебнулся с хрипом и снова испустил храп. Косяков бешеным движением нажал на кнопку звонка. Секретарша появилась в дверях буквально через секунду. Увидев спящего Гурбенко, она всплеснула руками.

— Убрать это! — энергично указывая перстом на поверженного сотрудника, проревел Косяков.— Но никому ни слова! Ясно?

Секретарша мотнула подбородком в знак полного понимания своей задачи и намеревалась было покинуть кабинет, но управляющий остановил ее властным жестом:

— Надо срочно напечатать приказ по конторе: «Плановика Гурбенко за прогул и появление в нетрезвом виде на работе уволить без выходного пособия с завтрашнего числа!»... Нет, с сегодняшнего! И дело о нем передать в суд! Нет, сперва поставить на местком! Нет, сперва сообщить в газету!..

Секретарша металась от дверей до своего стола в приемной, желая записать все варианты решения начальства. Но внезапно Косяков произнес упавшим голосом:

— Ничего не надо. Эх, Гурбенко, тоже мне подставное лицо, а еще друг называется, пропил мои денежки. Оставьте его здесь, а когда проспится, отправьте домой на моей машине. Только тихо, без звона. Вам ясно?.. А я поеду домой сейчас: что-то голова болит...

И, перешагнув через спящего Гурбенко, управляющий медленно прошел к двери.

Ирина ПОГОДИНА

ЕГО ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Захватить власть — еще не все, что нужно расисту. Семь лет тиранят Ян Смит и его присные черное большинство населения Родезии, а счастья нет в измученной расистской душе. Потому что не пускают Яна на *широкую международную арену*.

Ему бы прокатиться по белу свету, покрасоваться на трибуне ООН. А его никуда не приглашают, нигде не принимают, руки не протягивают. Кроме, конечно, Южно-Африканской Республики и Португалии — ну, там свои, родные... Даже влиятельные английские покровители конфузятся пустить на Британские острова такого гостя. И если уж они вступают в контакт с этим отпетым расистом, то в приватной обстановке, за плотно зашторенными окнами, подальше от Лондона, от разгневанных демонстрантов.

Что же делать бедному отверженному расисту?

Пораскинул Смит умом. Заглянул в корень. И сообразил: мир негодует потому, что до него доходят кое-какие сведения о происходящем в Родезии. А если положить конец просачиванию такой информации? Тогда миру и возмущаться будет нечем. Ясно, что истинный враг Родезии не царящий в ней режим, как пытаются изобразить некоторые, а болтуны-газетчики. Свой гнев солсберийский «премьер» высказал врагам-газетчикам прямо, открыто и откровенно.

— Кто смеет, — кипел Смит, — отрицать мое право тайно заниматься своими личными делами?!

Газетчики смекнули, что это, оказывается, «хобби» такое у «премьера» — измываться над пятью миллионами африканцев так, чтобы никто не *вмешивался* в его *подобного* рода личные дела.

Ругая газетчиков предпоследними словами, Смит пожалел в душе, что не успел дотянуть родезийские порядки до южноафриканских. Есть же по соседству такая сказочная страна — ЮАР! Там редактора «Иоганнесбург стар» Дж. Джорди недавно отдали под суд за то, что он сообщил о поездке министра обороны ЮАР Питера Боты в Лиссабон. И правильно! Пусть не вмешивается в *частную жизнь* господина министра: кому какое дело, если человеку захотелось обсудить с португальским коллегой сугубо личные вопросы их общей борьбы против национально-освободительного движения на юге Африки!

Смит велел газетчиков впредь никуда не пускать, чтобы они не могли ни о чем проболтаться. Таким образом, родезийские газеты, которые и раньше сидели на более чем скудном пайке информации, теперь сняты и с этого жалкого довольствия.

Дальше события, вероятно, будут развиваться так.

Когда умрет голодной смертью последняя из легальных родезийских газет, в Солсбери пригласят газетчиков из ЮАР.

Они явятся, вооруженные хорошим знанием законов апартеида.

В Родезии будут созданы раздельные газеты для белых и для африканцев.

Материалы будут обрабатываться с максимальной тщательностью. Вот как будет выглядеть недавний факт из родезийской действительности в белой и в черной интерпретации.

Факт: полицейские Кейт Тодд и Теодор Лотце, даже не утруждая себя поисками повода к такому действию, бросили гранаты со слезоточивым газом в хижины африканцев племени нганга.

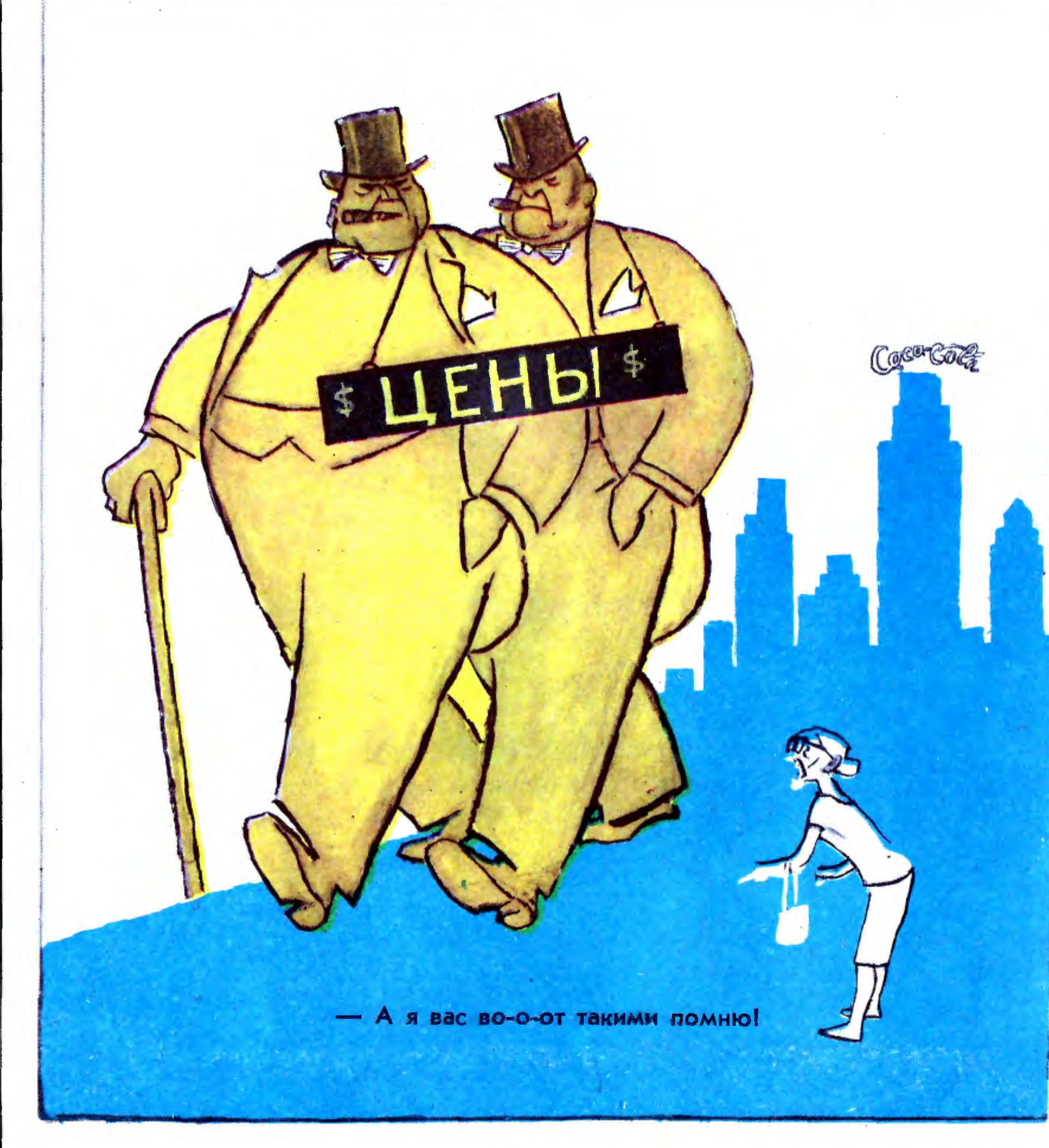
В газете для белых этот факт будет изложен так:

«Для демонстрации силы и превосходства белых, а также с целью проверки исправности вооружения полицейские К. Тодд и Т. Лотце бросили гранаты со слезоточивым газом в африканские хижины. Гранаты оказались в полном порядке. Необходимо расширить закупки особенно быстро расходуемых запасов вооружения».

По-другому изобразят это событие в газете для африканцев:

«Полицейские К. Тодд и Т. Лотце не пожалели для африканцев даже гранат со слезоточивым газом. Увидев в своих старых хижинах это новейшее достижение западной цивилизации, нганга дружно заплакали слезами благодарности и умиления».

И так далее...

— А я вас во-о-от такими помню!

Рисунок Бориса ЛЕО

САНТА КЛАУС КРОНИКЛ

В канун Нового года буржуазная пресса, как водится, быстренько перестроилась на рождественский лад.

Даже самые будничные фактики западной жизни подавались под «рождественским соусом».

Вот этот особый новогодний колорит и пародирует наша крокодильская газета «Санта Клаус Кроникл», сделанная на основе подлинных сообщений западной печати.

Подарок на особый вкус

Ассортимент рождественских подарков чрезвычайно расширился. Наряду с традиционными дарами, такими, как зажигалки «Ронсон» и духи «Шанель», повышенным спросом у определенных слоев покупателей пользуются личные вещи Гитлера. Несгибаемые сторонники идей фюрера не скупятся.

Так, в Рио-де-Жанейро на одном из последних аукционов продажная цена рисунков Гитлера достигала 225 фунтов. В Лондоне небольшая акварель была продана почти за 300 фунтов. Коллекционеры говорят, что через несколько лет она будет стоить 1 000 фунтов стерлингов.

В Англии маркиз Батский устроил в своем доме специальную «комнату Гитлера». В ней хранится собрание рисунков Гитлера, первое издание «Майн кампф», полусгоревшая салфетка с инициалами «А. Г.», найденная в бункере, в котором Гитлер застрелился, и зарисовки с Нюрнбергского процесса над военными преступниками.

Когда два ковра Гитлера появились на аукционе около года назад, они были куплены американским миллиардером Говардом Хьюзом за 100 тысяч фунтов стерлингов. А набор из ножа, вилки, ложки со свастикой и выгравированными буквами «А. Г.» был продан за 1 000 фунтов.

Довольно успешно расходятся в ФРГ две долгоиграющие пластинки с фашистскими песнями и речами Гитлера.

Как утверждает маркиз Батский, положенные с вечера под елку предметы обихода Гитлера создают утром в его семье радостную, приподнятую атмосферу больших упований.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ В БОЛЬШОМ ФУТБОЛЕ

Большие перемены сулит новый год британским любителям футбола.

Планируется проводить матчи утром, дабы уважаемые зрители не успели накачаться перед игрой.

Европейские футбольные власти недавно отдали распоряжение, чтобы во время решающих матчей поля были ограждены забором по крайней мере в семь футов высотой или рвом. По своему эпохальному значению отделение болельщиков от поля, безусловно, стоит выше отделения церкви от государства.

Спортивные клубы «Ливерпуль» и «Эвертон» вмонтировали в стены камер под трибунами кольца с наручниками. Отныне драчунов и бузотеров будут приковывать к стене.

В либеральных кругах подобную меру могут назвать средневековой, на самом деле это прогрессивный шаг, если учесть, что нравы болельщиков первобытные.

Клуб «Лидз Юнайтед» открыл под трибунами своего стадиона полицейский участок, оборудованный телекамерами. Телеоко непрерывно разглядывает трибуны и «засекает» распоясавшихся болельщиков.

В эти рождественские дни двери полицейских участков богато декорированы еловыми ветками с серебряными шишками, веселя и смягчая сердца задержанных дебоширов.

МУСОР — В ИСКУССТВО

ПАРИЖ. Местные муниципальные власти, постоянно обеспокоенные проблемой вывозки мусора, приветствовали недавно выставку произведений некоего мсье Армана, у входа на которую висел огромный транспарант: «Принеси свой мусор — я превращу его в произведение искусства».

Армановские композиции представляют собой хаотические кучи битого фаянса и фарфора, обломков старых холодильников, консервных банок и тому подобных предметов «искусства».

После Нового года мсье Арман предполагает значительно расширить вернисаж за счет битых бутылок из-под шампанского.

СВОБОДУ РЫЦАРЮ СВОБОДЫ!

Поспешные и необдуманные действия венесуэльских юристов не только омрачили рождественский праздник дону Мигелю Сильвио Саэсу, но и взволновали всех истинных друзей свободы.

Как сообщают из Каракаса, дон Саэс, бывший шеф полиции Венесуэлы, арестован и привлечен к суду. Ему предъявлено обвинение в организации банды контрабандистов, нелегально ввозивших в эту страну героин и другие наркотики.

В Вашингтоне старые друзья дона Мигеля выразили мнение, что «дело Саэса» искусственно раздуто. Во-первых, вырученные им три миллиона долларов — цифра смехотворно мизерная по масштабам наркотического бизнеса в США.

Во-вторых, необходимо учесть, что бывший шеф полиции прославился как стойкий борец против коммунистической опасности в западном полушарии. Итак: на одной чаше весов Фемиды — жалкие три миллиона долларов, на другой же — высокие заслуги в доблестной битве с красной угрозой!

В авторитетных кругах Вашингтона выражают надежду, что каракасские судьи прислушаются к голосу рассудка и примут решение в духе рождественского милосердия.

Глава греческих полковников премьер Пападопулос встречал Новый год в компании своих генералов. Фотограф запечатлел довольно подозрительный взгляд премьера. Кто знает, а вдруг этот генерал тоже мечтает стать полковником?

ВПЕРЕДИ—ПИСАТЕЛИ

— Итоги минувшего года вселяют гордость в наши сердца, — говорят писатели Калифорнии.

Ликование калифорнийских литераторов небеспочвенно. Только что закончившееся социологическое исследование показало, что писатели идут на первом месте по числу разводов. На втором месте вышли сами социологи (очевидно, многочасовые посещения чужих семей не оставляют времени на собственную). Замыкают призовую тройку «разводников» архитекторы: фундаменты их семейного счастья, как выяснилось, большей частью построены на песке.

Значительно реже разводятся врачи, бухгалтеры, газетные репортеры, биологи, геологи и ботаники.

— Желаем вам еще много-много счастливых разводов! — говорят в новогоднюю ночь друг другу писатели Калифорнии.

Счастливчик Карло

НЬЮ-ЙОРК. Самым престранным образом скончался один из главарей мафии, Карло Гамбино. Он умер естественной смертью в своей постели. Любопытно отметить, что семнадцати другим лидерам «мафиози», покинувшим этот мир за последние два года, помогли сделать это не врачи, а соперники и конкуренты.

Тихую и спокойную кончину Карло Гамбино здесь ставят в прямую связь с новым девизом, распространившимся в широких гангстерских кругах: «Не убий того, кто и сам не сегодня-завтра испустит дух».

Торжество гуманизма

СУДЯ ПО СООБЩЕНИЮ НАШИХ КОЛЛЕГ ИЗ ЛОНДОНСКОЙ «ГАРДИАН», С ТЕЛЕСНЫМИ НАКАЗАНИЯМИ В ШКОЛАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БУДЕТ ПОКОНЧЕНО В САМОМ НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ.

«Господи,— молится глава южновьетнамского правительства Тхиеу,— избавь нас от ужасов мира, который угрожает нам».

Розга, ремень и палка, столетиями остававшиеся незаменимыми инструментами воспитания и обучения юных англичан, уступят место проникновенному внушению, отеческому наставлению, мудрому педагогическому такту.

Уже в трех учебных округах — Лондонском, Эдинбургском и Ливерпульском — противники телесных наказаний добились их отмены.

Только желчные скептики с их гнусной манерой выискивать повсюду темные пятна продолжают упрямо твердить, что три округа — это, дескать, капля в море жестокости, царящей во всех остальных английских школах. Они брюзжат, что, судя по нынешним темпам внедрения гуманных принципов, полная ликвидация порки, выволочки и уховерчений в школьных классах наступит, мол, не раньше чем через двадцать лет.

В тихую рождественскую ночь, когда мелодичный перезвон колоколов будит в душах чистые, светлые мечты, хочется думать, что скептики ошибаются.

МЫ ВЕРИМ, ЧТО НЕ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ, А УЖЕ ЧЕРЕЗ КАКИХ-НИБУДЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕДНЯЯ РОЗГА БУДЕТ СДАНА В НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ.

— Я им докажу, что наш хиппи — это не какой-нибудь там западный!

Рисунок Б. САВКОВА

Александр НИКОЛАЕВ

ВЕРХОВОДЯ В ХОРОВОДЕ

Если мне бывает тяжко,
вкривь и вкось пойдут дела,
вспоминается бумажка
в ближнем ящике стола.
Чаще всех характеристик
достаю я наугад
небольшой тетрадный листик
с четким штампом
«Детский сад».
Объективно и бесстрастно
сообщалось в том листке,
как я громко,
как прекрасно
пел в дошкольном хоркружке.
Несмотря на то, что вырос
от горшка на два вершка,
прямо хоть иди на клирос
из такого хоркружка!
— Марк Бернес! — сказала мама.
— Пирогов! — сказал отец.—
Посмотри-ка ты, ну прямо
без пяти минут певец!
За минутой шла минута,
за годами шли года,
но не пел я почему-то
с той минуты никогда.
Только все же почему-то
переехал жить в Москву,
кончил школу с институтом,
диссертации главу...
Потому что в этой оде
доминировал мотив:
«Верховодя в хороводе,
вел он дружный коллектив».
В документе важном этом
отмечали, не тая,
что большим авторитетом
в группе пользовался я.
Правда, вздумалось кому-то
(я не сдал зачетов пять)
вдруг меня из института
почему-то отчислять.
Я к декану:
— Вы виною,
я хорошим был до вас.
Что вы сделали со мною!
Прямо бью не в бровь,
а в глаз.
Достаю бумажку:
— Нате!
Деканат был сам не рад,
все рыдали в деканате,
доконал я деканат.

Если все же на работе
мне начальник скажет вдруг:
— Нет, вы нам не подойдете,—
Я скажу:
— Ошиблись, друг!
Пусть бушуют грозы, вьюги
над моею головой,
Я про старые заслуги
вновь напомню:
не впервой!
Прихожу без опозданья,
на работе я не пью.
Ну, а если есть желанье,
я и песни вам спою.
Потому что не напрасно
говорилось в том листке,
как прекрасно,
громогласно
пел я в детском хоркружке.

Виктор КОНЯХИН

КЕФИР

Посетитель поболтал ложечкой в стакане и выпил содержимое. Его лицо сморщилось, и он позвал официанта.

— Почему у вас кефир без сахара?

— С сахаром.

— Без.

— Вы, очевидно, плохо размешали.

— Хорошо размешал.

Официант подумал и сказал:

— Вам я, очевидно, по ошибке принес сметану. А сметана у нас без сахара.

— Это был кефир без сахара. Дайте жалобную книгу.

— Не дам. А вам придется доплатить разницу между кефиром и сметаной.

— Какую разницу? Позовите директора.

Пришел директор.

— В чем суть?

— Вот товарищ выпил сметану, а хочет заплатить как за кефир.

— Не пил я никакой сметаны! Это был кефир и без сахара. Поэтому я требую жалобную книгу!

— Это была сметана. Я отлично помню, что приносил вам сметану.

— А я говорю, кефир без сахара!

Директор подумал.

— Для сравнения нужен еще один стакан кефира. Определим по цвету. Принесите,— приказал он официанту.

Тот пошел и вернулся через пять минут, довольный и улыбающийся.

— Я же говорил, у нас на кухне сегодня вообще не было кефира.

Директор строго посмотрел на посетителя. Посетитель — на официанта.

— Пусть принесет сметану,— сказал посетитель.— Для сравнения.

Официант вернулся с кислым видом.

— Нет и сметаны. Шеф-повар говорит, что с понедельника не завозили.

— Позовите сюда повара! — сказал директор.

Пришел повар. Строгий и рассудительный. Он мазнул пальцем в стакане, посмотрел его на свет и авторитетно резюмировал:

— Молоко. Кислое. С прошлой недели стоит, хотел домой котику отнести, да разве за этими оглоедами успеешь — все продадут.

И, вздохнув, ушел на кухню.

С минуту спорившие помолчали. Официант вынул блокнотик и, заглянув в меню, подсчитал.

— Так. Значит, молоко. Молоко топленое, кипяченое. Стоит на копейку дороже. Придется, молодой человек, доплатить.

А. ШЕЙНИН,
специальный корреспондент Крокодила

В БРОНИРОВАННОЙ СОРОЧКЕ

Уже первая сентенция только что назначенного председателя Волгоградского облспортсоюза Владимира Гавриловича Гладченко радовала своей афористичностью.

— Мне нужны не просто работники,— заявил он,— а преданные люди.

Нужно отдать должное Владимиру Гавриловичу: слова у него не разошлись с делом. Он сумел подобрать кадры в соответствии с этой своей установкой. Так, старшим инструктором облспортсоюза была назначена Ю. И. Горячева, до того изгнанная за различные жульнические махинации с должности гостиничного администратора и не имеющая к спорту никакого отношения.

Следующим шагом было укрепление областной школы высшего спортивного мастерства. Выбор пал на некоего Шипунова, чья биография именно в это время с пристальным вниманием изучалась следственными работниками. Дело в том, что, будучи преподавателем политехникума города Волжского, Шипунов был изобличен в приписке учебных часов, незаконном получении денег и в спекуляции спортинвентарем.

Но вместо того, чтобы оказаться на скамье подсудимых, Шипунов занял пост директора школы высшего спортивного мастерства и в меру своих жульнических способностей стал воспитывать будущих чемпионов.

Особой любовью — и не без взаимности — долгое время пользовался у Владимира Гавриловича его личный друг и сподвижник Михаил Ефимович Каплан, фигура приметная в спортивном мире Волограда. При упоминании этой фамилии неизменно следуют эпитеты:

— Пьяница...
— Пошляк...
— Проходимец...

Естественно, что при такой характеристике долго на одном месте не удержишься, и этот деятель скитался по тернистым спортивным дорожкам, сменив за 10 лет 15 мест, пока не был пригрет и обласкан Владимиром Гавриловичем.

Находясь под личной опекой председателя, Михаил Ефимович быстро раскрыл свой незаурядный талант махрового жулика. Одна из его комбинаций, пожалуй, найдет место в учебниках криминалистики.

Получив праздничные шерстяные костюмы для волгоградских участников летней Спартакиады народов РСФСР, Михаил Ефимович по льготной цене сбыл эти костюмы на рынке. Волгоградские спортсмены, выражаясь фигурально, оказались почти что в чем мать родила.

Понятно, что на торжественный парад в таком виде не выйдешь. Выход нашел руководитель делегации — сам Гладченко.

— Надевайте у кого что есть,— распорядился он.— Не костюм красит человека!

Увы, далеко не все участники Спартакиады из Волгограда по достоинству оценили остроумную выдумку Михаила Ефимовича. Надвигалась гроза. Между Владимиром Гавриловичем и его подопечным состоялся нелицеприятный разговор.

— Топорная работа, — сказал председатель.— Ты подвел не только команду, но и меня.

— Откуда бы я мог достать деньги на банкет?

— О банкете ни слова...

— Понимаю.

— Из облспортсоюза придется уйти.

— Куда?— глядя преданными глазами, спросил Михаил Ефимович.

— Пойдешь директором детской спортивной школы гороно. Дам характеристику — пальчики оближешь: и скромный и выдержанный...

Но не прошло и года, как «скромный, выдержанный, морально устойчивый» Михаил Ефимович был уличен в жульничестве, а именно в присвоении зарплаты тренеров школы.

И оказался бы он на казенной квартире, да выручили друзья и собутыльники. Новый директор школы слезно просил народный суд выдать Михаила Ефимовича на поруки, а некоторые обворованные тренеры, не без влияния со стороны, клялись, что они будут лично воспитывать великовозрастного жулика и собственноручно кормить его манной кашей.

Под напором «общественности» суд Центрального района Волгограда сдался. Трудно не процитировать отдельные места из глубоко принципиального решения суда.

«Хотя,— говорится в нем,— М. Каплан занимался присвоением денег из кассы школы и подлогами подписей, но, учитывая, что он характеризуется положительно, коллектив, где он работал, просит не лишать его свободы, приговорить М. Е. Каплан к исправительным работам по месту службы (то бишь в детской спортивной школе.— **А. Ш.**) сроком на один год с удержанием из его зарплаты в доход государства 20%».

Обрадованный жулик быстро смылся из Волгограда. Перекочевав в Тольятти, снова занял руководящий спортивный пост. Но и на новом месте он остался верен себе и вскоре оказался за решеткой. На этот раз всерьез и надолго.

А что же В. Г. Гладченко?

— Прямо как в сорочке родился,— удивляются спортсмены Волгограда.

В свое время по письмам в областные организации о неблагополучии в облспортсоюзе работники контрольно-ревизионной комиссии вскрыли вопиющие факты бесхозяйственности, разбазаривания, запущенности учета и хищения. Ценные спортивные лодки приобретались в магазинах и тут же перепродавались друзьям и знакомым. Приобрел лодку, конечно, и сам Гладченко. Работникам КРУ так и не удалось установить, были ли уплачены деньги за лодки, потому что учет ценностей находился в хаотическом состоянии.

Проверкой же было установлено, что дорогостоящие шерстяные костюмы, предназначенные только для спортсменов, принимающих участие в розыгрыше первенства, разбазаривались, а затем списывались якобы из-за непригодности. Только за два года было списано 148 костюмов на сумму 7 тысяч 192 рубля.

К сожалению, результаты проверки КРУ были сданы в архив. Фактически дело было прикрыто, и никто не понес наказания.

...В третий раз сочетавшись законным браком, Владимир Гаврилович мудро решил, что супруге лучше работать у него под крылышком. Но она только что окончила школу и не имела специальности. Как быть?

Тут на помощь приходит Шипунов. Он зачисляет супругу своего покровителя на должность методиста школы высшего спортивного мастерства, хотя по положению им может быть только человек с высшим физкультурным образованием.

Позвольте, позвольте, а как же быть со щепетильностью руководителя, высокой требовательностью к себе и другим, заботой о чистоте нравов, о требованиях долга? Какая уж тут может быть требовательность, какая чистота!

...Сын закадычного друга Владимира Гавриловича — студент политехнического института — начисто срезался по всем статьям на экзаменах. Предстояло отчисление из института.

Солидный областной руководитель В. Г. Гладченко нанес визит ректору института и стал уверять его, что лодырь и неуч — выдающийся спортсмен, член сборной команды области по боксу. Потому-де и завалил экзамены. Ректор развел руками. «Выдающемуся спортсмену» предоставили академический отпуск. Увы, подлог был разоблачен. За обман комсомольцы института исключили нерадивого студента из своих рядов. Он был отчислен и из института.

Инициатор этой затеи и на сей раз отделался легким испугом. Хотя, по правде сказать, даже легкого испуга не было. А кого бояться, когда сходит с рук кое-что и посерьезней?

...Областные соревнования школьников по плаванию. Счастливые победители получают призы. Костя Сивков — ученик волгоградской школы, завоевавший первенство на дистанции 400 и 800 метров,— награжден серебряной пепельницей стоимостью 31 рубль 50 копеек (видите, какая точность) и хрустальным кубком ценою в 25 рублей. Но юный чемпион, увы, даже не узнал об этом, так как в действительности получил на руки книгу и сувенир общей стоимостью в несколько рублей.

По ведомости победительнице на другой дистанции Тане Ложкиной вручены на память фарфоровая посуда, альбом стоимостью 20 рублей и ваза. Но не торопитесь поздравлять Таню. Лично она об этом еще ничего не знает. Потому что после соревнований ей вручили сувенир стоимостью в 1 рубль и металлический поясок ценою в 3 целковых.

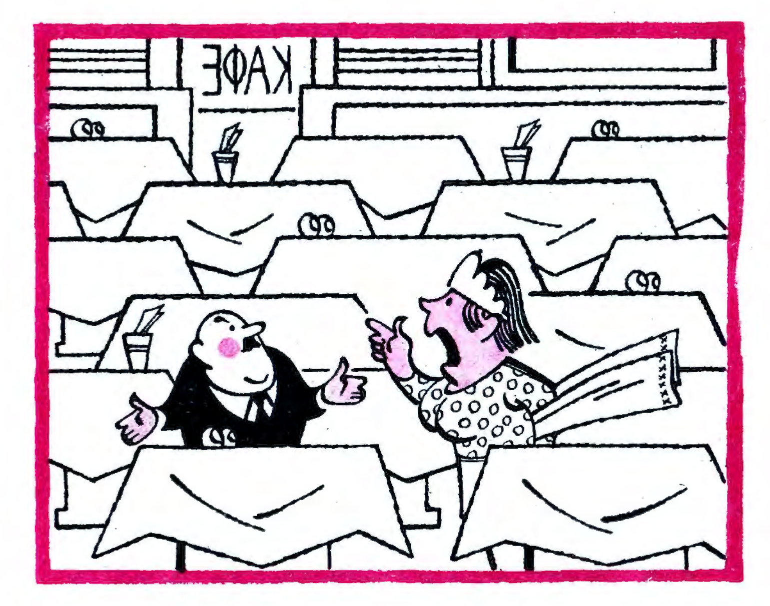
А как не порадоваться за талантливого пловца Вениамина Михайлова, который, согласно ведомости, награжден спортивной курткой, за которую облспортсоюз отвалил 42 рубля, хрустальным кубком, ценной скульптурой и альбомом! Увы, как и в предыдущих случаях, все это оказалось мифом. Вениамину вручили книгу, стеклянную конфетницу и набор простых ложек.

Как куртка превратилась в конфетницу, кубок—в книгу, ответить сумеет лишь исполнитель этих фокусов — заведующая учебно-спортивным отделом Ю. И. Горячева (теперь Рогачева). Да, да, та самая изгнанная из гостиницы, пригретая Владимиром Гавриловичем и выдвинутая на ответственную физкультурную работу без какого-либо спортивного образования.

Да, товарищ Гладченко все может. И впрямь начинаешь думать, что он родился в сорочке. И не в какой-нибудь там батистовой или даже шелковой, а в бронированной. В сорочке, которую ничем не прошибешь.

г. Волгоград.

— Вы что на меня кричите?
— А на кого же мне еще кричать?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

— Неотложка? Тут человек в обмороке от радости, что ему телефон поставили!

Рисунок С. СПАССКОГО

Рисунки А. АЛЕШИЧЕВА

— А машину пока не отремонтировали, товарищ председатель.

Рисунок А. ГРУНИНА

— В горлышке щербинка. Не приму.

Рисунок В. ВЛАДОВА

Крокодил помог

«БЕЗ БУМАЖКИ Я БУКАШКА...»

О долгой волоките со скромным заявлением тов. Шкригунова, в котором он просил трест «Красноярскжилстрой-1» выдать материал для починки пола, рассказывалось в заметке «Без бумажки я букашка...» («Крокодил» № 26, 1972 г.)

Управляющий трестом «Красноярскжилстрой-1» тов. В. Боровик и секретарь парткома треста тов. Н. Кириллов сообщили редакции, что факты, указанные в заметке, подтвердились. Виновные привлечены к партийной ответственности. Долгожданный ремонт в квартире тов. Шкригунова произведен.

«УЙМИТЕСЬ, СОМНЕНИЯ!»

В одноименном фельетоне Эр. Эделя, опубликованном в «Крокодиле» (№ 24, 1972 г.) рассказывалось о шумном юбилее, который отмечала начальник аптечного управления Тюменского облисполкома Е. Е. Орлова. Юбилейный банкет состоялся в ресторане на средства, собранные с работников аптек. Кстати, обком профсоюза медицинских работников тоже не поскупился и выделил для этой немаловажной цели 100 рублей.

Как сообщил редакции заместитель председателя Тюменского облисполкома тов. Н. Замятин, за нескромность, проявленную при подготовке и проведении своего юбилея, Е. Е. Орловой объявлен выговор. Деньги, полученные ею от обкома профсоюза, возвращены.

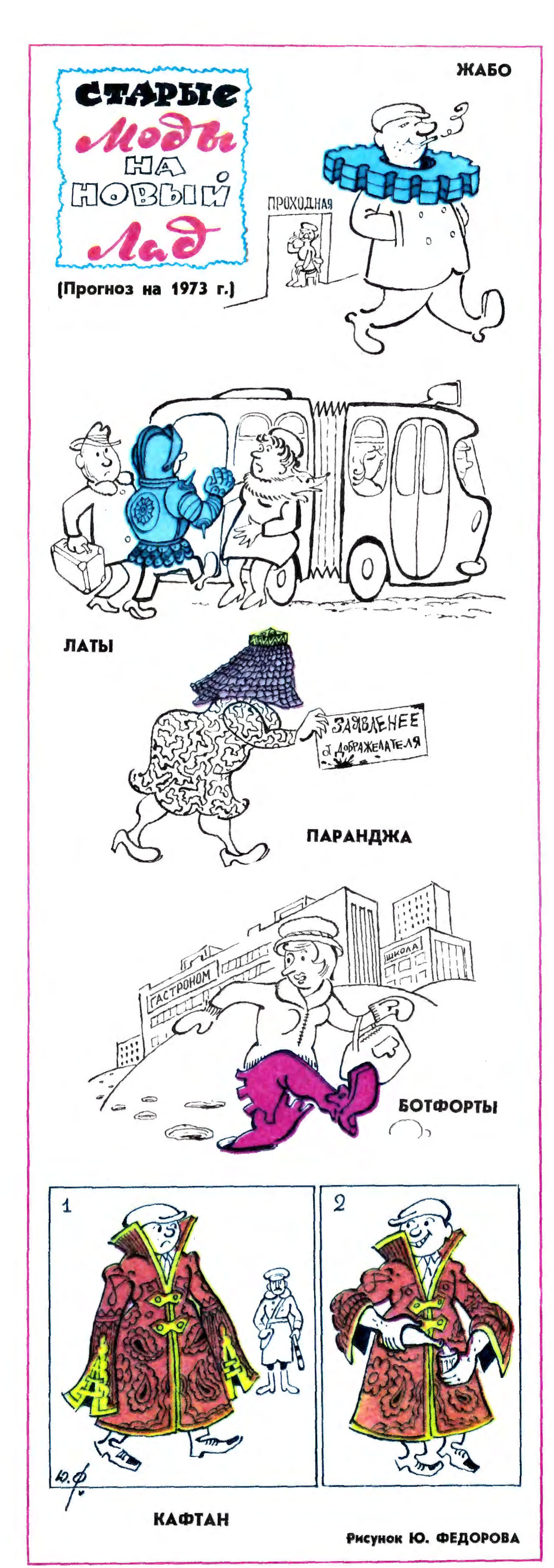
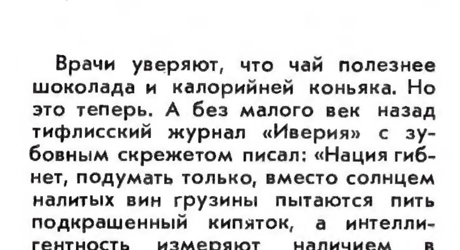

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Кондрат УБИЛАВА,
специальный корреспондент Крокодила

НЕ ТОТ АРОМАТ

Врачи уверяют, что чай полезнее шоколада и калорийней коньяка. Но это теперь. А без малого век назад тифлисский журнал «Иверия» с зубовным скрежетом писал: «Нация гибнет, подумать только, вместо солнцем налитых вин грузины пытаются пить подкрашенный кипяток, а интеллигентность измеряют наличием в семье никелированного самовара».

Примерно в те же годы другой журнал, «Квали», сетовал, что завезенный с Востока напиток повлек за собой дальнейшее падение нравов: в гостиницах потчуют спитым чаем, а купцы добавляют в цыбики черничный лист...

О-о, мелкие-мелкие жулики, исчадье прошлого века, не знали вы настоящего размаха!

ПРО ЧАЙ, КОТОРЫЙ НЕВЗНАЧАЙ

Владимир Самсонович Бочоришвили, весовщик 17-й бригады очамчирского колхоза «Сакартвело» самовара не имел, но к славе очень даже стремился. В тридцать три года можно было сообразить, что, сидючи возле складских весов, известности не дождешься, даже наоборот. Потому у Владимира Самсоновича оставался единственно верный путь к почестям и грамотам — пойти на чайные плантации.

Человек начитанный и с прессой знакомый, он знал, что где-то кто-то, вах-вах, по доброй воле шел в отстающие бригады и силой собственного примера, р-раз — два, выводил их в передовые. Владимир Самсонович внимательно прислушался к себе и ощутил, что созрел для больших дел.

Так был сделан решающий шаг — Владимир Бочоришвили встал во главе отстающей бригады. А кто в ней?

— Папа Самсон, мама Машо, ·да продлятся их годы, братцы Шеро, Вало, Индико, хорошие за столом ребята, сестрицы Этери, Кето, жена Шура,— считал-пересчитывал бригаду предприимчивый весовщик и сбивался со счету: родни в селе было премного, и, упаси бог, он никого не хотел обидеть. Особым рвением к колхозному производству близкие не отличались, а Владимиру Самсоновичу желалось увидеть их как минимум в ударниках...

— Итак, за дело, дорогие родичи,— завершил он общее собрание семейного коллектива.— Соберем рекордный чай, не прикладая рук...

Именно с того неоформленного протоколом момента в семье Бочоришвили начался золотой век. Те, кто постарше — терпеливо торговали люфой, гнали чачу. Молодые били баклуши и школьные стекла. Тем временем на чайных плантациях в их корзины листик по листику сами собой собирались центнеры первосортного чая. Только за один сентябрь семь тонн!

Бочоришвилевцы способны были напоить наилучшими чаями хоть всю страну. Они били рекорды за рекордами, мировые тоже, к тому же владели шапками-невидимками: на плантациях чаеводы их не видели, а видели только в премиальных списках.

75-летний Бочоришвили-папа, по причине слабых ног уже который год неохотно покидавший двор, сумел сдать на приемный пункт столько же чая, сколько и прославленная сборщица Грузии, Герой Социалистического Труда Цаца Кардава. А двенадцатилетняя Кето Бочоришвили, этакая резвушка, выкраивая время среди детских шалостей, сумела не только догнать ее, но и обойти. Бочоришвили-мама в последний день сезона, напрягши все старушечьи силы, не выходя из кухни, собрала 226 килограммов чая, это раз в пятнадцать больше обычной для такой поры нормы. А за осень неполная дюжина Бочоришвили получила наличными столько же, сколько не состоящие в родичах Владимира Самсоновича остальные 54 члена семнадцатой бригады.

Рекордсмены гордо таили производственный секрет, и любопытные, особенно из тех, кто работал на плантациях от зари до зари, напрасно следили за проворными руками Владимира Самсоновича. Весовщиком он был поистине честным, потому что гирек свинцом не заливал, а если ему приносили, к примеру, пуд чая, то в ведомости он правдиво записывал «пятнадцать кг». Остальное — усушка-утруска. В конце концов килограмм — это пустяк.

— Что ваше, то ваше,— успокаивал придирчивых и мелочных Бочоришвили-сын,— а что наше,— извините наше...

Тайна, жгучая, как крапива, и неугаданная, как фокус-покус, волновала умы. Впрочем, для иных-разных она лежала на виду, потому что число последователей у весовщика-энтузиаста день ото дня росло, как в «Сакартвело», так и в ближней округе. Был там и брат Валико. Он тоже подвизался на хлопотной должности весовщика, естественно, в другой бригаде. В этом ему очень пригодился институтский диплом: весы, знаете, дело точное, и шестнадцати лет учебы как раз хватит, чтобы ими управлять.

Но речь уже не о том.

СЕРДОБОЛЬНЫЙ ДЯДЯ ГУЛИ

Никто в Очамчирском районе не ратовал за выполнение госпоставок чая так рьяно, как Гули Макарович Ригвава, человек средних лет и заведующий центральным приемным пунктом Кочарской чаефабрики. Никто!

Он знал отстающих бригадиров и председателей в лицо и по биографиям, а также по склонностям характера. Он заглядывал в унылые и чего-то жаждущие глаза сдатчиков чая и сочувственно выпытывал:

— Выговор светит, или еще что? Могу помочь... Ты мне, дорогой, о-очень понравился...

Формула помощи оказывалась простой и знакомой по учебнику политэкономии — «товар — деньги», а в просторечье — «я тебе — ты мне». И чтоб шито-крыто.

До знакомства с Ригвавой у Шоты Сартания, председателя гульрипшского колхоза имени Леселидзе, настроение было прескверное: чайные кусты стояли голые, а до выполнения плана не хватало пяти тонн. Винить было некого, разве что себя: плантации одолели сорняки. Винить же себя не хотелось.

— Пять? И только-то?— покачал головой Гули.— Для тебя хоть восемь...

— И сколько же за восемь тонн?— Сартании уже грезилась Слава, надевающая лавровый венок на его голову.

— Считай, даром: три тысячи к завтрашнему утру...

Наутро жаждавшие закругления плана леселидзевцы принесли деньги. Но на 272 рубля меньше. А в долг дотошный завпунктом не поверил и обиженно буркнул: «За восемь-то ма-ало» и нацарапал на квитанции, что чаеводы Леселидзе продали государству 71 центнер чая наипервейшим сортом. Бумажка, предъявленная в госбанк, с лихвой покрывала сумму, выплаченную Гули Макаровичу.

С бумажных полей урожаи сбираются легко. Одна из членов 17-й бригады, тоже родственница Владимира Самсоновича, домохозяйка Мэри Халваш из Кочары купила у того же Гули Ригвавы квитанций на три тысячи килограммов чая высшего сорта, приплюсовала к ним свои, в труде и поту собранные шестнадцать кило. И очутилась на колхозной Доске почета.

В тесной конторке чаесборочного пункта направо и налево торговали индульгенциями, разрешающими бездельничать. Шестидесятипятилетняя Мария Векуа, нештатный агент Ригвавы по продаже «мелочевки» — бестоварных квитанций, каждая на центнер-другой, имела шумный успех. По понедельникам она брала у Гули квитанции, а по пятницам приносила взамен деньги, получая с того условленный процент.

Однажды она совершила лишь первую половину операции, и завпунктом к концу недели недосчитался четырехсот рублей.

— Вай-мэ,— заголосила в оправдание растраты оборотистая бабушка.— Над печкой склонилась, а деньги в огонь и упади, сразу сгорели... Не веришь, спроси у сынка Алеши...

— Звала лиса в свидетели свой хвост,— рассудительно ответил Ригвава. Не доверять и Алеше Векуа у него были все основания: тот соучаствовал в подпольной чайной фирме, а по совместительству работал в «Сакартвело» младшим весовщиком. Весовщик — профессия золотая...

Бабуся вымаливала прощения и амнистии, но Гули твердо сказал ей: «Старая жулябия». И уволил незадачливого коммивояжера по продаже «бумажного чая» немедленно, без выходного пособия.

В иные месяцы он зарабатывал по тридцать тысяч, не считая сторублевого оклада, и те четыре сотни были для него семечковой шелухой. Но во взаимоотношениях с клиентами и посредниками Гули Макарович Ригвава обожал точность и пунктуальность. И еще он знал: чтобы подчиненные работали с огоньком, надо время от времени нагонять на них страх.

ДЛИННАЯ-ДЛИННАЯ СКАМЬЯ

Рекорды без рекорда, квитанции без товара, годовые планы единым росчерком пера — такое в Очамчири устраивало многих и длилось бы еще неизвестно сколько времени, если бы раздувшийся пузырь подпольной фирмы не наскочил вдруг на ржавый гвоздь случайности...

Одного из следователей милиции, по молодости лет отличающегося любопытством, заинтересовало: отчего-почему лаборантки Кочарской чайфабрики Татьяна Векуа и некоторые другие в разгар сезона приема чая, среди рабочего дня либо толкутся в универмаге, либо сидят в кино, вместо того, чтобы, к примеру, определять сортность и влажность поступающего сырья?

И вдруг выяснилось, что с этими довольно кропотливыми и трудоемкими обязанностями отлично управляется сам дядя Гули, а девушкам остается лишь подписать под вечер составленную им приемную документацию и в благодарность рассказать содержание фильма.

Интересно, что сам Ригвава был обладателем 75 тонн первосортного чая. Он его не вырастил, не купил, не украл. Откуда же взялся у него этот чай?

— Вах!— обычно кричал Гули на сдатчиков,— не чай привезли, а сырой хворост. Везите обратно...

Обратно чай не увозили, а приходили к компромиссному соглашению: 10—20 процентов от сбора списывалось на «хворост». Чай принимался у колхозов низшими сортами, к тому же якобы повышенной влажности, а затем «перескакивал» в нужную графу. И в темном углу склада копились «лишние» тонны. Их-то и продавали государству вторично. Ригвава ревизий и инвентаризаций не опасался: Дмитрий Надирадзе, директор фабрики, и Уча Читанава, главинж, подписывали его акты, в строки не вглядываясь и полки не проверяя. А зачем? Фабрика регулярно перевыполняла планы как в целом, так и по ассортименту.

Все это размотал тот самый молодой и любопытный следователь милиции.

На конце зацепленной следователем ниточки вытянулось хищение примерно в двести тысяч рублей.

Скамья подсудимых оказалась длинной — на тридцать три человека.

Но был и тридцать четвертый виновник, вернее — виновница. Это — методика приемки чая, утвержденная республиканским промышленным объединением «Чай Грузии». Эксперты, к примеру, установили, что Ригвава, умело пользуясь лишь устаревшим нормативом влажности сырья, мог на «законных» основаниях прикарманить за сезон около десяти тонн чая. Говорилось, что подобная методика оставляет множество лазеек для желающих заглянуть в государственный карман.

В ответ на частное определение суда управляющий объединением Р. Хоперия письменно заверил юристов, что изменение коэффициентов и методик — дело хлопотное и с бухты-барахты их не пересмотришь. Это будет заботой ближайших лет, а пока на пути расхитителей поставлен надежный заслон в виде решений и резолюций...

«А пока»... А пока следственные органы на днях арестовали в Зугдидском районе директора Ингурской чайной фабрики Абела Шония. Фабрика та размещается по соседству с Кочарской, и опыт «фирмы» экс-директор перенял успешно.

Говорят, когда его привлекли к ответственности, он пошумливал:

— А за что? Я инструкций не нарушал. Проверяйте! Мы почти все так «заготавливаем» чай!.. И кто виноват, что там, в «Чай Грузии» болеют «куриной слепотой». Тут только глупец не воспользуется,— так, вполне откровенно сказал А. Шония.

...О жалкие жулики прошлого века! Далеко обошли вас ваши преемники! Век бы им чая не пить и в глаза его не видеть...

Сухуми — Очамчири — Зугдиди — Цхалтубо.

Николай ПОЛОТАЙ

Зоофоризмы

Если уж оказался на вертеле — мекать поздно.

— Пятна?.. Выведем! — внушали Пятнистому Оленю.

Вороньему хору теноры не требуются.

Рисуешь верблюда, — рисуй и горб.

Честолюбие Устрицы: съедят, зато похвалят.

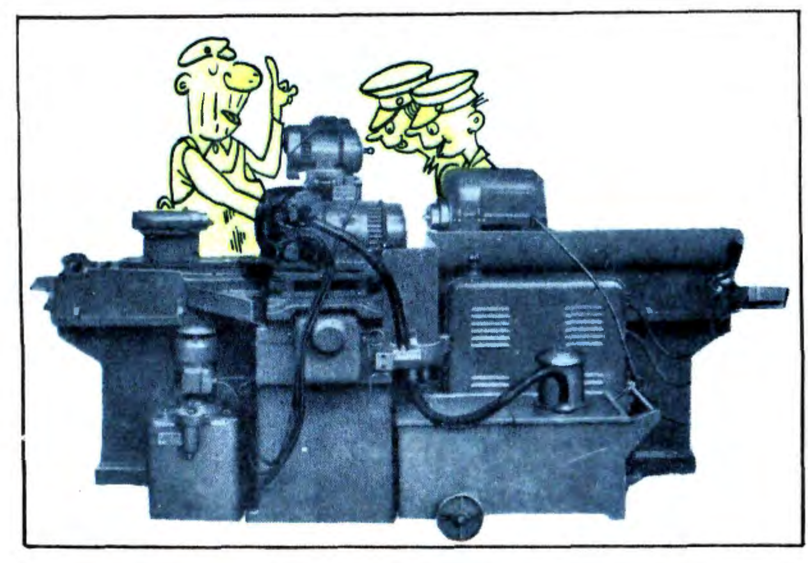
— Не пейте пиво! — умоляла Тарань.

Пес-медалист лает гуще.

В змеином обществе потчуют ядом.

Лиропрохвост.

Студент-биолух.

— Тут все дело в хорошем глазомере!

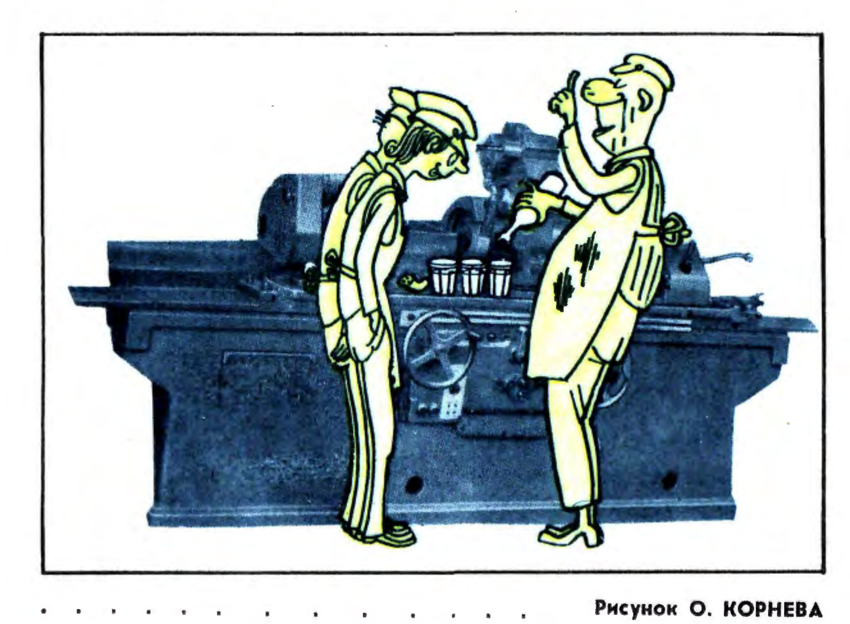

Рисунок О. КОРНЕВА

Эдуард ГАЙ,
Борис ГАНИН

ЭПИТАФИИ

ЧИНУШЕ

Дабы имел
возможность каждый
Его от прочих
смертных граждан
И после смерти
отличать,
На сей плите
стоит печать.

ПРОЙДОХЕ

Пройдохи,
не завидуйте собрату:
Сюда попал он
вовсе не по блату.

ДОНОСЧИКУ

Рыл ямы другим он
умелой рукой.
О нем позаботился
кто-то другой.

РАВНОДУШНОМУ

Нельзя не вспомнить,
что покойный
При жизни был
еще спокойней.

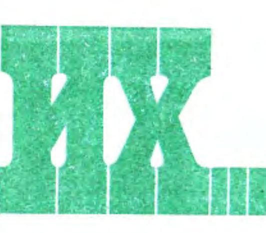
Новый альбом Иосифа Игина «Я видел их...» скоро выйдет в свет в издательстве «Изобразительное искусство».

Как это все чаще случается с ним в последнее время, И. Игин выступает здесь не только как художник-шаржист, но и автор новелл-воспоминаний о былых встречах с «оригиналами» своих рисунков.

Сегодня мы помещаем несколько шаржей и литературных миниатюр из этого альбома.

Иосиф ИГИН

Я ВИДЕЛ ИХ...

Талант и скромность

Михаил Аркадьевич Светлов высоко ценил остроумные, мудрые афоризмы Эмиля Кроткого, печатавшиеся в «Крокодиле» под рубрикой «Отрывки из ненаписанного». Многие он помнил наизусть и приводил во время бесед с друзьями. Вот некоторые из них:

«В искусстве не все боги. На одного Аполлона приходится четверка лошадей».

«Перья у писателя были,— ему не хватало крыльев».

«Есть люди, в присутствии которых невежливо быть талантливым».

Светлов говорил: «Это удивительно! Такое достойно пера Козьмы Пруткова». В свою очередь, Эмиль Яковлевич Кроткий восторгался поэзией Светлова. Он не упускал случая сказать, что стихи «Живые герои», «Возвращение», «Итальянец» пленяют его высокой любовью поэта к людям.

Любопытно, что Светлов и Кроткий, почти три десятилетия посещая одни и те же редакции и Дом литераторов, почему-то долгое время не были друг с другом знакомы. Познакомились они лишь в пятидесятых годах, но встречались редко и неназойливо, как это обычно бывает между людьми, каждый из которых ставит другого выше себя.

Однажды Кроткий огорченно сказал мне:

— Встретил на улице Горького Светлова. Хотел поклониться ему, но не решился. А что, подумал я, если он спросит: «Кто вы такой?»

Я рассказал об этом Светлову.

— Представь, — ответил он, смутясь,— и я видел его вчера. Хотел поздороваться, но постеснялся.

Э. Кроткий и М. Светлов.

Имя-отчество

В начале двадцатых годов в один из южных городов приехали четыре московских поэта. Искусство тогда находилось в ведении отделов народного образования, или, как их сокращенно называли, «ОНО». По этому поводу Маяковский писал:

Я занимаюсь искусством.
Оно
Поданное МОНО.
Я не ною,
Под МОНОю, так под
МОНОю.

Итак, приехали поэты. Афиши оповестили об их выступлении. Перед началом вечера заведующий гороно зашел в артистическую, чтобы лично познакомиться с приезжими.

— Иван Иванович, завгороно,— представился он.

— Владимир Владимирович,— ответил один из поэтов.

— Николай Николаевич,— сказал второй.

— Василий Васильевич,— произнес третий.

— Сей Сеич,— скороговоркой сказал четвертый.

— Странное совпадение имен и отчеств,— с подозрением сказал завгороно. И, повернувшись к стоявшему рядом завклубом, спросил: — А вы проверили у товарищей документы?

— Иван Иванович? — переспросил Владимир Владимирович.— А это вам не кажется подозрительным?

— В зале полно народу,— сразу же заторопился завгороно.— Пора начинать.

На эстраду вышли Владимир Владимирович Маяковский, Николай Николаевич Асеев, Василий Васильевич Каменский...

Рассказал мне об этом вечере четвертый поэт — Алексей Крученых.

— У меня-то имя с отчеством не совпадает,— говорил он, как бы оправдываясь,— Алексей Елисеич. А в произношении звучит похоже...

А. Крученых.

Пушкин и милиционер

Все, кто бывал на концертах Владимира Николаевича Яхонтова, никогда не забудут его удивительное исполнение произведений Пушкина.

Мне посчастливилось слышать выдающегося чтеца не только в концертном зале, а в обстановке столь же волшебной, как волшебны сами пушкинские стихи.

Однажды после концерта в Академической капелле несколько ленинградцев, друзей Яхонтова, пошли вместе с ним к Неве. Была теплая белая ночь. От Дворцового моста мы как бы невзначай пришли туда, куда не могли не прийти этой белой ночью,— к памятнику Петру.

Внезапно Яхонтов переступил через низенькую ограду, быстро прошел по траве к каменной глыбе и встал лицом к Неве, куда простерта рука Петра.

На берегу пустынных
волн
Стоял он, дум великих
полн.
И в даль глядел...—

Яхонтов читал «Медного Всадника».

Стали подходить гуляющие. Кто-то из нас произнес: «Т-с-с»... В полном молчании собралась большая толпа. Вдруг появился милиционер.

— Что здесь происходит?! — громко спросил он.

В ответ раздалось предостерегающее «Тс-с-с...».

Милиционер прислушался. И теперь уже он, выполняя свой долг блюстителя порядка, требовал тишины от вновь подходящих.

На площади долго звучал лишь один голос...

В. Яхонтов.

А судьи кто?

Однажды в Ленинграде на рекламных тумбах появилась театральная афиша. На ней был изображен осел, под которым была подпись: «Только я сегодня не иду в Мюзик-Холл!»

Автором рисунка и текста был Николай Павлович Акимов.

Озорная реклама вызвала улыбки зрителей и негодование рецензентов. И вообще тогда работы молодого режиссера и художника Акимова казались критике по меньшей мере дерзкими, и она не оставляла его своим вниманием. Акимов отшучивался. На призывы быть поближе к золотой середине он отвечал:

— Если термометр при любом состоянии организма показывает 36,6, он никуда не годится.

В суждениях об искусстве он был тоже категоричен. После премьеры «Бориса Годунова» в Александринском театре (ныне Театр имени Пушкина), где даже великолепная игра актеров не смогла затмить претенциозно усложненной и громоздкой постановки, Николай Павлович сказал:

— До сих пор я был убежден, что произведение Пушкина бессмертно. А режиссер угробил его в один вечер.

Единственно справедливыми ценителями своей работы Акимов считал зрителей. Однажды я видел, как Николай Павлович, спрятавшись за портьерой, наблюдал лица сидящих в зале людей.

— Меня не пугают рецензии и мнение комиссий, принимающих спектакль,— сказал он,— я боюсь только одного — покашливания в зале.

Н. Акимов.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«...Прошу привлечь к уголовной ответственности петуха соседки. Он каждый день уводит моих кур к себе, и они там несутся. Моего петуха он совсем заклевал!»

(Из заявления.)

«Общественно полезным трудом не занимался, жил на средства быка-производителя, которого держал для обслуживания населения поселка...»

(Из постановления.)

«...Хулиганы нарушили покой моей головы и нормальную работу сердца жены в ночное время...»

(Из заявления.)

«...В кювете лежал мотоцикл рядом с поперек лежащим гражданином лет двадцати, с помятым бачком, погнутой вилкой и без переднего колеса...»

(Из протокола.)

«...Во всем виновата самогонка и жена, которую я не гоню, а гонит жена и со мною пьет. Потом в КПЗ садят за мелкое хулиганство меня, хотя надо посадить жену...»

(Из объяснения.)

«...Гр. Качурин без намордника пошел с собакой в город и напугал детей...»

(Из заявления.)

Собрал И. Сотников, г. Кемерово

Тов. родители! Объявления по обмену детей вывешивайте, пожалуйста, на двери противоположной стороны здания.

Прислал П. Гришков, г. Смоленск, детсад-ясли «Ласточка».

«Слесарю цеха № 3 Алексею Петровичу Глухову 50 лет. Возраст, прямо надо сказать, солидный. А ведет он себя как ребенок. За 9 месяцев текущего года Алексей Глухов уже четыре раза побывал в медицинском вытрезвителе».

Газета «Наша жизнь», г. Сарапул.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

Лошадиная сила

«Упражняйте свою волю. Не садитесь в первый вагон трамвая. Ждите второго.
А второй всегда идет только до центра».

И. ИЛЬФ, «Записные книжки».

Когда слова не свиваются в строки и лишь кружат вокруг стола за убегающей мыслью, когда в голове тематическая пустынь и лоб не хочет преображаться в чело, вы спасетесь темой гортранспорта. Отбрасывая грубые контровые тени, здесь лежат на поверхности факты, и лишь цепляй их на литературный кукан.

Итак, в подворотне на вас нападал байстрюк, и вы долго ходили с надорванным ухом, висящим, как пуговица на оттянутой нитке.

Вы страдали от жилищной конторы, от медиков, от резкоголосых работниц прилавка, от козней бытовиков и почтельработников.

Но, как гласит народная мудрость, все кончается, даже зубной порошок в коробочке у соседей. Почта с телеграфом перестают портачить, корреспонденцию не шлют в Берлин вместо Бердичева. Жилищная контора снимает в подъезде золотую с черным философему:

ЧИСТО НЕ ТАМ, ГДЕ МЕТУТ,
А ТАМ, ГДЕ НЕ СОРЯТ —

и начинает мести. Байстрюка, чтобы вам спокойней жилось, внедряют в исправколонию.

И как будто бы все избываемо, пейте чай с вареньем Центросоюза, обзирайте четыре телевизионных канала и живите спокойно.

Казалось бы.

Но знамением XX века прочно стало движение. А движение — это гортранспорт. И когда нормализуются даже протуберанцы на солнце, гортранспорт все так же будет тиранить вас денно и нощно.

Теперь представим: лайнер рейса 1229 приземляется в гор. Грозном. Поле, перспектива размыта ливнем, вдали воет шакал. И не приходит за пассажиром из города никакой транспорт. И терпеливо стоит толпа под выпадающими на нее осадками, только частник на малом автомобиле мельтешит челноком между полем и городом, он стрижет по рублю с носа. Через час он снимает с затопленного пятачка последних. В плачевном состоянии эти последние, и везти их надо не по квартирам, а с сиреной в тубсанаторий.

А разве вы, человек с проспекта и с окраины, не стояли, секомые непогодой, на бровке? С побледневшим лицом и синюшностью губ стояли и вы, и вас защемляло дверями и трепало, било троллейбусным электричеством при цеплянии за дверь. И уползали переполненные автобусы, пуская сизенькие колечки, и с портфелем внутри, а сами снаружи вы влачились за гортранспортом — вроде чуди, привязанной половцами к хвосту озверелого лошака. И в сипатом АГУ (автобусное громковещание) раздавался свирепый окрик водителя:

— Слезь, хамлюга, не суйсь!

И в непотребном обличье вы прибывали на службу в свой трест «Скотопром». Чтобы, забыв о только что перенесенных собственных терзаниях, сочинять претензии на грубое обращение и материальный ущерб при перевозке рогатых.

А представим, если бы посадко-высадки пассажира учиняли по весу и целости! Сел в автобус у Савеловского — 72 кг 430 г. Вышел в Бескудникове — 72 кг 184 г. Скостить с водителя прогрессивную премиальность!

Но не будет этого. Сложно наладить.

И словно кувалдой вдаряет водитель по педалям газа и тормозам. Ну, а если вираж — то берется он так, что пластуются граждане друг на друга в хитросплетенную кучу малу. Эх, катить бы тут без давки в такси, но где тот таксист?

Вам известны эти брамины больших городов. Созерцая вместо пупа ключи зажигания, стоят они возле авто величественно и долго, как козероги над миром. Дамам на сносях дверь их авто не раскроется полностью,— заедает. Холодильник же «ЗИЛ» пролезает спокойно.

В городе Барнауле таксист человечней. И все же не помчат здесь с удобствами негабаритные дамы. На час раньше, чем надо (до давки), едут они на службу трамваем, потому что нет такси в Барнауле. Их всего 309, как и восемь годков назад. Одну треть каждый день забирают милиция, банк, отделения связи. К одной трети нет запчастей. Одна треть — без водителей.

Иногда лишь по улицам города провихляют парой таксомоторы 23—23 АЛК, АЛК 23—12. Страшен их вид. Они ездят парой, чтобы помочь друг другу на случай отскока колес и развала шасси. А также парой легче обороняться от толп (были случаи, население, настигая автомобиль, вырывало задние двери).

Словом, пользуйтесь таксомотором. Только номер наберите, и такси подаст водитель. Научите этому кошку — у нее времени прорва.

Если же быть серьезным — таксомотору полагается больше внимания. Единственный беспересадочный транспорт города — таксомотор.

Тем более в Барнауле. Никуда не попасть в Барнауле без пересадки. Так спланирован город и движение в нем.

Кто виноват? Прошлое. Что было, то было. Строились города, и сидели там архитекторами то тренер по плаванию, то морфолог картофельных слизней.

И образовались населенные пункты — без кольцевой автострады, без радиальных, с вокзалом на выселках. Барнаул, и все тут. Странны маршруты в таких городах.

Сумками срывая друг с друга эпидермис, штурмует барнаулец автобусы на площадях Свободы и Спартака. С хрустом лопаются в давке арбузы «Большой мурашка» и «Любимец хутора Пятигорска». Безобразно кричит мужчина, у которого от толчеи сработала зажигалка в брючном кармане. Здесь оттаптывают телесные мягкие ткани и деформируют жесткие. И вот площадь пуста, и лишь стоит посреди степняк бормоча и с чемоданной ручкой в ладони:

— Балетка чоренькая, павинолевая... Две смены белья... Целиковый балык свиной из двух филеев!!

Никто не возместит потери. Угасло чувство уверенности. Так что даже автобусным маршрутам № 1 и 6, наиболее твердым, кричит человек, перед тем как привеситься:

— Где пойдет, согласно иль так!

Гарантий нет, что не «так».

И в преддверии холодов немаловажно белье в жизни алтайского ездока. Хоть кровельным железом зашиты недостающие окна в автобусах, хоть усиленно дышат тридцать шесть сидящих, пятьдесят стоящих и сто парящих людей, в автобусе не работает печка. Однако роптания нету. Это автобус! А попробуйте сядьте в трамвай!

Знатен барнаульский трамвай. Долго мается пассажир на посадочном пятачке. Пыльная буря заворачивает полы на голову. Но вот он подкатывает, красно-желтый трамвай ЧКД, на борту его надпись:

«АГИТТРАМВАЙ «ЗЕЛЕНАЯ ВОЛНА»

Вы скоренько впихиваетесь, вы цветете! Но вдруг где-то в городе гражданин (не злоумышленник) просыпается, приседает на коврике «раз-и-два», затем вгрызается электробритвой в щетину. И если щетина густа, барнаульский рельсовый транспорт, издавши трень-брень, встает. И стоит: мало тока. Стоит, пока кто-то благообразит лицо, гладит штаны, калит щипцы для завивки. И стоящий трамвай промерзает насквозь до звона, ведь выход один из двух: либо ехать как есть, либо стоять, электроотапливаясь. Достоинство у трамвая одно: если малодушный задумает броситься, трамвай не задавит. Нет столько сил.

Лучше, естественно, ехать, а не стоять. И устремляются вперед «Зеленые волны», «Утра гор», «Зори Сибири» и прочие колесно-словесные средства передвижения.

Но если без волн, без зорь и без гор подумать: что предпринять? Для удобств человека и блага.

Тут сказал Боровец Л. А., зав. транспортным отделом барнаульского горисполкома:

— В настоящее время мы отпиливаем вторые ряды сидений в трамваях.

Ну, дождались.

Ну, похоже, начинается жизнь.

г. Барнаул.

— ...а теперь подпишите!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Аббас МУХИТДИН

НЕСОЗНАТЕЛЬНАЯ ГОРЛИЦА

Уборщица Тилла-хола торопливо вошла в кабинет заведующего хозяйством Хиллабаева.

— Эй, сынок,— сказала она,— вы знаете, что в зале кто-то разбил стекло большого окна?

Хиллабаев налился гневом, лицо его стало красным, как сок граната.

— Кто разбил?!— грозно закричал он.— Найду бездельника и заставлю вставить стекло! У нас нет лишних денег, чтоб оплачивать подобные безобразия! Вы не знаете, кто этот хулиган?

— Да разное говорят... Не то Чари, не то Хури...

— Чари или Хури?!

— Точно не могу сказать, сынок.

— А я могу! — стукнул кулаком по столу Хиллабаев.— Это проделки Чари! Он забияка, непоседа, шалопай! И отец его хорош: совсем не смотрит за парнем! Возится с цветочками, лепесточками...

— Про кого вы говорите?— спросила Тилла-хола.— Какие цветочки?

— Я говорю про садовника Умарова, отца этого хулигана Чари!

Уборщица удивленно развела руками:

— Вах, Чари Умарову всего четыре годика! Как он может добросить камень до второго этажа?

— Кто же тогда, по-твоему, разбил стекло?— закусив губу, чтобы сдержать возмущение, спросил завхоз.

— Чари, но другой. Сын директора.

— Директорский Чари?— Хиллабаев даже головой негодующе потряс.— Не может этого быть! Директор такой спокойный, уравновешенный человек, всегда владеет собою. Нет, его сын не может разбить стекло!

— Только потому, что он сын вежливого человека?— усмехнулась Тилла-хола.

— Вы же сами говорили: разбила стекло Хури,— облегченно вздохнул Хиллабаев.— Конечно, она! Как юла целый день вертится во дворе. А отец ее ведет себя безобразно: думает, что если он монтер, то уже за ребенком можно не присматривать!

— Боюсь, сынок, что это не Хури. Зря люди про нее говорят.

— Почему? Что же она, камень не забросит на второй этаж?!

— Забросит, отчего не забросить, девочка шустрая. Только я вспомнила: она уже десять дней, как уехала в кишлак, к дедушке с бабушкой.

— Что за порядки у нас!— застонал Хиллабаев.— Разбили стекло, а мы не можем найти виновника! Хоть в милицию звони! Кто же его разбил?

— Я!— послышался мальчишеский голос.

Занятые своими рассуждениями, взрослые не приметили, как в кабинет вошел мальчик лет восьми.

— Это я разбил.— повторил он.

Тилла-хола с улыбкой поглядела на завхоза: дескать, что я говорила?

— Э-э, сынок.— Хиллабаев вежливо поднялся из кресла, словно перед ним стоял не сын директора, а сам директор.— Ты ошибся. Это не твоя работа, Чари-джан.

— Моя. Все видели,— с гордостью произнес Чари.— Я ка-а-а-к прицелился...

— А-а, случайно, мячом! Бывает, сорвется мяч с ноги и летит куда-нибудь...— подхватил Хиллабаев.— Сам когда-то играл в футбол...

— Нет, сегодня мы не играли в футбол,— покачал головой Чари.— Я стрелял из рогатки в горлицу. А попал в стекло.

— Хорошо, сынок, хорошо,— улыбнулся радостно Хиллабаев.— Молодец, что сам пришел. Иди и не бойся: всякое бывает...

Чари убежал.

— Уф-ф!— вздохнул Хиллабаев, усаживаясь в кресло.— Опять звать стекольщиков... А вы, Тилла-хола, идите: работы у вас много. Я приму меры, вы меня знаете, мое слово — гранит: как сказал, так и будет.

Оставшись в одиночестве, завхоз взял чистый лист бумаги и начал составлять акт:

«...В большой зал влетела дикая горлица, и когда уборщица Тилла-хола стала мыть пол, то горлица ввиду своей несознательности испугалась и, выбив стекло окна, вылетела наружу...»

Перевод с узбекского Б. ПРИВАЛОВА.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

На лондонском стадионе «Уэмбли» проходит футбольный матч века «Сборная Англии» — «Сборная мира». Цены на билеты совершенно фантастические, и тем не менее стадион забит до отказа. В самой дорогой ложе сидит дама, рядом с ней свободное место, однако на все просьбы болельщиков, желающих занять его, она отвечает:

— Никогда! Это место моего покойного мужа...

— Но ведь мужа уже нет, пригласили бы хоть кого-нибудь из родственников...

— К сожалению, все родственники сейчас на его похоронах.

●

— Нет на свете болезни, которую я бы не перенес,— жалуется знакомому ипохондрик.

— Ну, не говорите,— сомневается тот,— есть ведь болезни, от которых человек либо умирает, либо становится идиотом!

— Знаю, знаю... и это я перенес...

●

Судья укоряет бродягу:

— Почему вы такой неблагодарный?! Эта старушка дала вам сдобную булку, а вы ей камнем разбили окно!

— Это был не камень...

— А что же?

— Та самая булка...

●

Опытная мать советует дочке:

— Представь себе, что это чужой ребенок. Как воспитывать чужих детей знают все!

●

— Эта блузка действительно модная? — спрашивает покупательница у продавца.

— Последняя парижская мода!

— А не выгорит на солнце?

— Что вы! Уже три года висит на витрине и до сих пор как новая!

●

Разговаривают два шотландца:

— Слышали, наш футбольный клуб опять начал тренировки после восьмилетнего перерыва.

— Да? Они что, наконец нашли тот потерянный мяч?

●

Знаменитая киноактриса:

— А теперь хватит говорить обо мне. Поговорим о вас. Расскажите мне, пожалуйста, как я вам понравилась в последнем фильме.

●

Учитель спрашивает ученика:

— Питер, почему ты не был вчера в школе?

— У нас было прибавление в семье...

— Да? Братик или сестричка?

— Что вы! Мама наконец вышла замуж!

«Глоб энд мейл», Канада.

«Пари-матч», Франция.

— Не так уж это трудно. Я бы вполне могла сыграть не хуже.

«Небельшпальтер», Швейцария.

●

— Что с тобой, Маргрет?—спрашивает маленькая Анна старшую сестру.— Почему ты плачешь?

— Учитель географии поставил мне двойку! — отвечает девочка.— Я забыла, где Аляска.

— Эх ты, растеряха! — говорит Анна.— Куда же ты ее положила?

●

— Ты снова устроил погром в квартире?

«Квик», ФРГ.

Позвоните по телефону 22-10-66

Если вам взгрустнулось, если мир утратил для вас какую-то долю своей привлекательности, если вы в чем-то разочаровались... Короче говоря, если у вас плохое настроение, то не поленитесь набрать по телефону номер 22-10-66. И вы сразу услышите приятный голос:

— Мы вас приветствуем. Да, вы попали как раз туда, куда нужно. Послушайте, пожалуйста, какой случай произошел со мной недавно.

Когда я вернулся из гостей домой со своими двумя таксами, ворота были уже заперты. Тогда я решил, что переброшу такс через забор, а потом перелезу сам. Когда я перебрасывал одиннадцатую таксу, то заметил, что преданные собачки каждый раз возвращаются ко мне через дырку в заборе.

Смех.

— Спасибо, спасибо. Но вы засмеялись из вежливости, конечно. А хохотать надо вот так.

Раздается заразительный хохот.

Гонг.

— А теперь послушайте несколько коротких историй.

«Страсть к браконьерству у него зашла так далеко, что он застрелил почтового голубя и съел его вместе с важным пакетом, который тот нес».

Гонг.

«Ввиду порчи сигнального огня в моем автомобиле я подавал знак о перемене направления рукой. Только уже после столкновения с грузовиком я заметил, что забыл опустить боковое стекло».

Гонг.

«Неправда, что, будучи в подпитии, я ругал машиниста, стараясь сесть на паровоз. Признаю, что я что-то ему сказал, но уже в тендере».

Гонг.

— И напоследок наш дежурный афоризм: «Личное имущество священно и неприкосновенно, если оно приобретено на общественные средства».

До свидания!

Так работает в Праге «телефон хорошего настроения», работает в любое время суток, потому что при соединении телефона автоматически включается проигрыватель с магнитофонной лентой, запись на которой периодически меняется.

Люди, набирающие телефон 22-10-66, чаще всего слышат голос главного редактора журнала «Дикобраз» Индржиха Бешты.

Адам КРЕЧМАР (Польша)

МАЛЕНЬКИЕ, НО ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

1

А знаете ли, как было дело? Он сидел на берегу с удочкой и ловил рыбу. Поймал леща. Ну что ж, бывает. Затем поймал карпа. Нормально. Потом — щуку. Видно, такой уж счастливый выдался для него денек. Когда же поймал на удочку кита, был приятно удивлен. А потом клюнуло что-то покрупнее кита... Что бы вы думали? То был трансатлантический лайнер «Стефан Баторий».

Ну и как же он, по-вашему, поступил?

Конечно, отцепил от крючка и пустил обратно в воду.

Успех успехом, но иногда надо и честь знать.

2

А знаете ли, как было дело? Один мой знакомый постучал как-то пальцем по собственному лбу. Вот так: тук, тук, тук... И что бы вы думали? Кто-то оттуда, изнутри, сказал: «Войдите, открыто». Но наш приятель не стал входить: кто знает. с кем бы он встретился там внутри.

Иногда надо уметь в нужный момент тактично удалиться.

3

А знаете ли, как было дело? Шел человек по улице и размахивал руками. «Что вы делаете?» — спросили его. «Лечу», — отвечал он. «Бедняга»,— говорили ему вслед. А потом, желая помочь, кто-то сказал ему: «Пане, вы вовсе не летаете. Вы ходите по твердой и прекрасной земле». «Что вы говорите?» — удивился летающий, перестал размахивать руками, упал и разбился насмерть.

Такова сила воображения.

●

Мужья разговаривают:

— Моя жена считает, что очень полезно есть все сырое.

— Моя тоже не любит готовить.

●

— Однажды в Африке мне пришлось заночевать под деревом в джунглях. И, представьте себе, лев подкрался ко мне сзади так близко, что я почувствовал его дыхание на шее!

— И что же вы сделали?

— Поднял воротник.

●

— Дорогой, что ты скажешь, если мы сыграем свадьбу на рождество?

— Ах, оставь, пожалуйста! Стоит ли портить себе праздники!

●

К торговцу собаками приходит человек и заявляет:

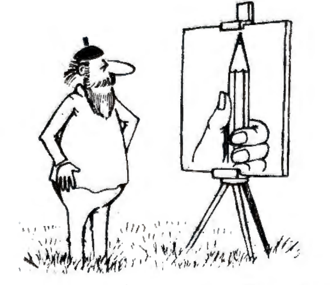
— Собака, которую я купил у вас два дня назад, сдохла.

Торговец удивленно говорит:

— Странно! У меня она ничего подобного не делала.

«Пуркуа па?», Бельгия.

КРОКОДИЛ

№ 1 (2047)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, В. Гинуков, А. Грунин, О. Корнев, В. Мохов, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Федоров.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия: М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), Е. П. ДУБРОВИН, Б. А. ЕГОРОВ, Б. Е. ЕФИМОВ, Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ, Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/XII 1972 г. А 01042. Подписано к печати 27/XII 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Тираж 5 500 000 экз. (5 завод 4 402 251—5 500 000) заказ № 1793

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

В Ольстер прибыли американские инструкторы передавать опыт, накопленный ими во Вьетнаме.

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Рисунок Бор. ЕФИМОВА